

Литература:

1. Андриющенко С.В. Коммуникативно-прагматическая структура высказываний в судебном диалоге (на материале английского языка). Автореферат дис. канд. филол. наук. – Армавир, 2005.
2. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит-ра, 1986.
3. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. М., 1979.
4. Михайлов Л.М. Грамматика немецкой диалогической речи. – М.: Высшая школа, 1986. – 198 с.
5. Почепцов Г.Г. Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств. – Калинин, КГУ, 1980.

СПЕЦИФИКА ПОНЯТИЯ «РУССКИЕ ФАМИЛИИ» И ГРАНИЦЫ РУССКОГО ФАМИЛЬНОГО ИМЕННИКА

С.В. Фуникова,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка,
профессионально-речевой и межкультурной коммуникации

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Белгород, Россия,

Сунь Дамань,

профессор КНУ, Циндао, Китай

В статье рассматривается специфика понятия «русские фамилии» и границы русского фамильного именника. Также уделяется внимание вопросу о дефиците фундаментальных трудов в области ономастической лексики и, особенно, в практике составления словарей русских фамилий.

Ключевые слова: фамилия, именник, этимология, ономастика, антропонимика, этимология.

The paper discusses the specifics of the concept of "Russian names" and the boundaries of Russian family names; pays attention to the lack of fundamental works in the field of onomastic vocabulary, and especially in the practice of compiling dictionaries of Russian surnames.

Keywords: surname, names, etymology, onomastics, anthroponymy, etymology.

В различных исследованиях по русской антропонимике постоянно подчеркивается вопрос о дефиците фундаментальных трудов в области ономастической лексики и, особенно, в практике составления словарей русских фамилий. Необъятность материала, сложность анализа основ фамильных имен, связанная с комплексным составом русского слова, поиском конкретных путей образования той или иной фамилии действительно создают колоссальные трудности. Однако проблема усугубляется ещё и тем, что вопрос об определении самого понятия «русские фамилии» до сих пор не решен, остается дискуссионным. Отсюда отсутствие четких критериев национально-культурной принадлежности фамильных имен, принципиально важных для любого языка, приводит к неправильному отбору исследуемого материала. Так, например, словник монографии Б.О. Унбегауна [5] изобилует множеством нерусских фамилий, по существу исследователи описывают «фамилии, бытующие у

русских». С другой стороны, авторы многочисленных работ, уходя от рассмотрения конкретных критериев отбора фамильного материала, сознательно не дают определения «русские фамилии». При этом разработка методики анализа и выработка определения другими не всегда очевидны и вызывают сомнения, зависят от того, какой признак (или несколько признаков) исследователи считают главным, определяющим: формантный, этимологический, национальность исследователя, распространение, отнесенность к той или иной культуре и т. д. Так, например, В.А. Никонов провозглашает формантный критерий главным при определении национально-культурной принадлежности фамильного имени: «Практически единственно целесообразно отнести к русским фамилиям, получившие русское оформление, независимо от языкового происхождения основы» [2: 119].

Однако, хотя наличие фамильного форманта в составе фамилий характеризует их как собственно ономастические образования, часть основ русских фамилий перешла в разряд собственных имен в неизменном виде. Большое количество украинских и белорусских фамилий по форме совпадает с русскими. С помощью формантов –ов, –ев, –ский, –цкий образованы национальные фамилии у других славянских народов (ср. фамилии: болг. Тодоров, Сакаджиев, польск. Ковальский, чешск. Копецкий). Конечные элементы некоторых иноязычных фамилий созвучны русским фамильным суффиксам (нем. Бюлов, англ. Дарвин, Кронин, Чаплин). В результате влияния русской администрации XIX – начала XX вв. и первой массовой паспортизации 20-30-х годов XX в. подавляющая часть тюркоязычных и угрофинских народов была вынуждена именоваться фамилиями с русскими формантами –ов, –ев (Ахмедов, Куркоев). Таким образом, переоценка формантного критерия может привести к ложным выводам, а его изолированное использование не решает поставленной проблемы.

Учет прежде всего характера мотивирующей основы, то есть этимологический анализ фамильного имени, позволяет установить её соотнесенность с апеллятивом, словом нарицательной лексики периода фамилиообразования. Такой подход обеспечивает всесторонний анализ каждой фамилии как лексемы и учитывает наряду с лингвистическими и экстралингвистические факторы, обусловившие формирование фамилий у различных социальных слоев, конкретные пути пополнения русского фамильного именника. Результатом такого анализа стало начало выявления семантических групп апеллятивов, послуживших основами русских фамилий [2: 179-202; 3: 39-51; 5: 146-189]. Следовательно, обязательный учет и статуса апеллятива в лексике русского языка является непременным условием включения конкретной фамилии в состав русского фамильного именника.

В то же время как быть, если этимология фамилии не ясна? Некоторые слова были утрачены языками. Влияние родственных и контактирующих языков на русский в разные эпохи было различным, что в свою очередь обусловило неоднородность качественного состава, в том числе и апеллятивной лексики. Это дает повод отдельным авторам, проводя ретроспективный этимологический анализ русских фамилий, связывать характер возможного апеллятива с его национально-культурной квалификацией. Так, Н.А. Баскаков

[1] относит к русским фамилиям тюркского происхождения такие фамилии, как Аксаков, Аргунов, Беклемишев, Булгаков, Салтыков, Суворов, Ушаков и др., игнорируя факт широкого распространения прозвищных имен Аксак, Аргун, Беклемиш, Булгак, Салтык, Сувор, Ушак и др. среди русских, о чем свидетельствуют многочисленные примеры именовании XIV-XV вв. в словаре Н.М. Тупикова и др. источниках. При этом Н.А. Баскаков старается подтвердить свою точку зрения данными из родословных дворян носителей этих фамилий. Однако широкое распространение подобных прозвищных имен в составе именовании других слоев позволяет говорить скорее не о тюркском происхождении, а о тюркском элементе в составе русской апеллятивной лексики, тем более, что этимологические данные Н.А. Баскакова не всегда бесспорны. Так, Н.А. Баскаков утверждает, что фамилия Тюменцев связана с тюркским словом (заимствованным из монгольского) со значением «большое число, количество, тьма; округ, уезд; название монеты». Однако предположительная этимология слова относится не к фамилии, которая была образована от именовании отца – тюменец (по месту откуда прибыл, или прописан на службу), а к топониму Тюмень. [См. также: Толкачев А.И. 1975, с. 139-149].

Что же касается характера основ многочисленных фамилий, образованных от канонических имен, привнесенных на Русь с принятием христианства, то они не влияют на определение национально-культурной принадлежности. Церковные имена органически вошли в состав национального именника. Стали русскими, национальными в результате тысячелетнего обращения в повседневной жизни, русском языке, обществе и культуре. Так, например, самая русская, самая распространенная в России XIX века фамилия Иван(ов) «сын Ивана» образована от имени Иван (Иоанн), восходящего к древнееврейскому Йоханан «бог милует» или «бог благоволит». Но имя Иван прошло весь традиционный путь адаптации иноязычного слова: освоено фонетической, грамматической системами русского языка, дало целый ряд производных – уменьшительные, ласкательные и усеченные формы. При этом фамилия Иванов была образована не от церковной (канонической) формы Иоанн, переосмысленной в русском языке как форма высокого стиля, а от народной – Иван, порожденной русской речью, национальной культурой. Как и множество нарицательных слов, приведенных из других языков, таких, как зонтик, кнут, сани, ярмарка, арбуз, деньги, казак, башмак, туман и т. д., подобные имена собственные, войдя в состав русского именника, считаются принадлежностью русского языка, освоены полностью русской речью, русской культурой.

«Русифицированность» указывает на определенную отнесенность фамилии к русской культуре, русскому языку, а носителя к русским, России. Поэтому мы предлагаем к «русифицированным» отнести иноязычные фамилии, по тем или иным причинам оформленные русскими стандартными (-ов/-ев, -ин) фамильными формантами, типа Шмидт(-ов), Циммерман(-ов), Фонвиз(-ин), а также фамилии на -ов, -ев, -ин тюркоязычных, угрофинских и других народов.

Однако многие народы России восприняли не только русское оформление фамильных имен, но и русскую форму трехчленного именованья. В последние десятилетия русские имена органически вошли в состав их именных: Иван Петрович Мошев – современная коми-пермятская антропонимическая модель; Яков Еремеевич Могушев – современная якутская антропонимическая модель и т. д. Относить же, например, коми-пермятские фамилии типа Гачегов (гачег «бобр»), Дозморов (дозмор «глухарь»), Ичеткин (ичет «маленький»), Рытов (рыт «вечер»), Ческидов (ческид «сладкий») к русским, как и фамилии других народов России (а тем более национальные фамилии представителей республик бывшего СССР), образованные с помощью русских формантов, вряд ли возможно. Скорее всего, подход, предложенный А.В. Суперанской и А.В. Сусловой, приемлим лишь для разграничения русских фамилий и фамилий народов с иной (не трехчленной) формулой именованья и то не во всех случаях. Так, например, фамилию Стефанов Б.О. Унбегаун квалифицирует как болгарскую. В то же время данная фамилия входит и в русский фамильный именьник. Это подтверждают не столько статистические данные о её относительно широком распространении, сколько наличие целого словообразовательного гнезда фамилий, образованных от одноименной основы в фамильном именьнике (Стефанов, Стефанков, Стефанцев, Стефанцов, Стефачев, Стефашин, Стефуткин...).

Таким образом, если «русифицированная» фамилия входит в состав триединого русского именованья, возможно, она может быть отнесена к русским, но только при наличии ряда вариантных форм, словообразовательного гнезда. Для фамилий этого типа также важен анализ их орфографии в историческом аспекте, раскрывающий степень их адаптации в русском языке, поиск носителей, имеющих родословные, данные которых могут пролить свет на их этимологию.

Что же касается «фамилий, бытующих у русских», то различные обстоятельства, в том числе и миграционные процессы, привели к появлению у части русского населения неадаптированных иноязычных фамилий. Причем распространение отдельных фамилий среди русского населения в определенные исторические периоды было довольно значительным. Это подтверждают, например, данные анализа фамилий жителей Санкт-Петербурга начала XX века. Так, проведенные подсчеты позволили Б.О. Унбегауна включить в состав от наиболее распространенных русских фамилий такие немецкие фамилии, как Шмидт, Миллер, Шульц [5: 312]. Однако такой подход уже абсолютно не учитывает лингвистические критерии и приводит к смешению понятий «русские фамилии» с уже другим понятием «фамилии, бытующие у русских», которое гораздо шире по своей сути.

С другой стороны, русские фамилии встречаются у бурят, татар, якутов, калмыков, эвенков, мордвы, представителей других народов. Поэтому принцип распространенности (и в сочетании с учетом национальности носителя) также не является надежным.

Что же касается определения объема понятия «русские фамилии», то по этому вопросу ранее была высказана О.Н. Трубачевым противоположная точка зрения: «тип русской фамилии нельзя ограничить совершенно определенными

и единственными признаками, не объединив при этом само понятие русской фамилии» [4: 7]. По его мнению, в состав русских фамилий должны быть включены и привившиеся на русской почве генетически нерусские фамилии. Однако предлагаемый в качестве основного узуально-культурологический критерий может подойти только применительно к типу словаря, заявленному автором («Этимологический словарь фамилий России»), куда помимо русских вошли бы «русифицированные фамилии» и «фамилии, бытующие у русских».

Сложность вопроса приводит других исследователей к выявлению суммы критериев в определении национально-культурной отмеченности фамилий. «Русская фамилия – во-первых, русская по форме, то есть имеющая адъективный суффикс –ов/–ев, –ин/–ын, –к/–ой, –их/–ых, –аго, –ово или представляющая собой качественное прилагательное (Толстой, Белый, Круглый); во-вторых, распространенная среди русских» [6: 49]. Однако национальная отнесенность распространенного фамильного имени очевидна даже для самих носителей. В то же время как подсчетами огромного числа менее распространенных фамилий почти никто не занимался. Имеются лишь разрозненные данные о некоторых из них [2: 1988].

Учитывая историческую полиэтимологичность русских фамилий, сложность соотнесения части мотивирующих основ с апеллятивами, а также другие факторы повлиявшие на состояние антропонимической лексики, представляется единственно приемлимым наличие всего комплекса вышеперечисленных дифференцирующих признаков (критериев, позволяющего установить национально-культурную принадлежность конкретного фамильного имени. Такой подход в современной антропонимике вытекает из практики отбора исследуемого материала. В то же время главным критерием-определителем должно стать единство формантно-этимологического признака с обязательным учетом пути образования той или иной фамилии. Привлечение упомянутых выше дополнительных как лингвистических, так и экстралингвистических данных – дополнительными критериями.

Следовательно, русская фамилия должна: в словообразовательном и фонетическом отношениях быть эквивалентной традиционно русской и ассоциативно-семантически соотноситься с компонентами личных (дофамильных) именовании и словами нарицательной лексики русского языка периода образования данного типа фамилий.

Таким образом, мы считаем, что к русским целесообразно будет отнести фамилий, образованные по традиционным моделям, с помощью русских словообразовательных средств, мотивирующей основой которых являются слова общего словарного фонда, а также слова, бытовавшие в русском языке в период образования фамилий.

Литература:

1. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения // Восточно-славянская ономастика. – М.: Наука, 1972.
2. Никонов В.А. Словарь русских фамилий. – М., 1993.
3. Суперанская А.В., Сулова А.В. О русских именах. – Л., 1991.
4. О.Н. Праславянская ономастика в этимологическом словаре славянских языков, выпуски 1-13. // Этимология 1985. – М.: Наука, 1988. – С. 3-10.

5. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – М., 1989.
6. Федосюк Ю.А. Русские фамилии. – М., 1996.

РОЛЬ ИГР НА ЗАНЯТИЯХ РКИ

М.Н. Чепелева,

магистрант кафедры русского языка, профессионально-речевой и
межкультурной коммуникации

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, доцент

Л.Ф. Свойкина

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

В статье рассматривается роль игр на начальном этапе обучения РКИ, их классификация и основные требования, предъявляемые к играм.

Ключевые слова: игра, грамматические игры, лексические игры, фонетические игры, игровой метод, начальный этап обучения.

The article deals with role of games at initial stage of studying Russian as foreign language, its classification and main demands producible to games.

Keywords: game, grammar games, lexical games, phonetic games, gaming technique, initial stage of education.

С каждым годом все больше и больше иностранные студенты проявляют интерес к получению образования в России. Однако, приезжая в Россию, студенты сталкиваются со многими проблемами, главной из которых является проблема адаптации к межкультурному общению. Они оказываются в совершенной иной культуре с другими условиями жизни и системой обучения.

Для любого человека адаптация ко всему новому, в том числе и языку, сложнейший социально-психологический процесс. Более того, в зависимости от национальной культуры поведения, ментальных особенностей, данный процесс может проходить очень болезненно.

На начальных этапах обучения преподаватель является практически единственным представителем иной культуры. В силу различных особенностей иностранцев обучение на первых порах дается с трудом. Обучающиеся молчаливы, незэмоциональны, с трудом идут на контакт, поэтому преподавателю необходимо строить занятия с учетом психологических и культурных особенностей студентов.

Существует множество способов заинтересовать и стимулировать студентов к активности. Одним из таких способов является игра.

Об использовании игрового метода в обучающих целях известно давно. Многие ученые, которые занимаются методикой обучения иностранным языкам, справедливо обращают внимание на эффективность использования данного метода. Игровые моменты и сама игра создают положительный психологический климат в коллективе, способствуют оптимизации учебного процесса, помогают обучающимся ближе познакомиться с русским языком, русской культурой и традициями.

По определению М.Ф. Стронина, игра представляет собой вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением [3: 370].

Игра состоит из структурных элементов. При определении общей структуры игры мы придерживались мнения Л.А. Надудвари, который считал, что игра, будучи видом деятельности, должна иметь побуждающую причину (мотив), определенную цель, конкретное содержание и исполнительную часть (игровые действия) [1: 75].

Так, структурными элементами игры являются следующие:

- мотив;
- цель;
- ориентированность на результат;
- установка;
- конкретное содержание;
- исполнительная часть;
- языковой материал.

В современной методике преподавания выделяются следующие виды игр:

- учебно-речевые, которые вкачают в себя фонетические, лексические, грамматические, обучающие чтению или аудированию;
- сюжетно-ролевые;
- имитационные деловые;
- ситуационно-ролевые [3: 276].

Также существуют и другие классификации. Так, например, М.Ф. Стронин, автор ряда книг, посвященных обучающим играм, которые используются в обучении иностранным языкам, выделяет два вида игр:

- 1) подготовительные, способствующие формированию речевых навыков;
- 2) творческие игры, цель которых заключается в дальнейшем развитии речевых навыков и умений [3: 370].

На начальном этапе обучения предпочтение отдается учебно-речевым играм, так как на данном этапе одна из главных задач преподавателя – создать условия для развития умений и навыков в различных видах речевой деятельности (аудирование, чтение, говорение, письмо).

Место игры на занятии и отводимое ей время зависит от ряда факторов, основными из которых являются: подготовка обучающихся, изучаемый материал, цели, задачи, условия урока и т.д. Так, например, если игра используется в качестве тренировочного упражнения при первичном закреплении материала, то ей можно отвести 10-15 минут урока. На последующих занятиях та же игра может проводиться в течение 3-5 минут и служить своеобразным повторением и закреплением уже пройденного материала, а также разрядкой на уроке. Более того, одна и та же игра может быть использована на различных этапах урока, все зависит от конкретных

условий работы преподавателя, его темперамента и творческих способностей. Здесь следует отметить, что при всей привлекательности и эффективности игрового метода необходимо соблюдать чувство меры, иначе игры утомят обучающихся и потеряют свежесть эмоционального воздействия.

Выделяются следующие требования к играм:

- 1) игра должна давать упражнения, полезные для умственного развития обучающихся и их воспитания;
- 2) в игре обязательно наличие увлекательной задачи, решение которой требует умственного усилия, преодоления некоторых трудностей;
- 3) игра должна включать себя занимательность, юмор. Увлечение игрой мобилизует умственную деятельность, облегчает выполнение задачи.

Следует учитывать также и то, что любая игра в учебном процессе - методический приём, который относится к группе активных способов обучения практическому владению иностранным языком. Внедрение этого приёма в учебный процесс способствует достижению целей обучения диалогической речи и расширенному монологическому высказыванию, активизации речемыслительной деятельности студентов, формированию у них навыков и умений самостоятельного выражения мысли, образованию и воспитанию обучающихся средствами иностранного языка.

Важно, чтобы работа с играми приносила положительные эмоции и пользу, более того, она должна служить действенным стимулом в ситуации, когда интерес или мотивация обучающихся к русскому языку начинает ослабевать, ведь главная задача игры – стимулирование интересов студента, развитие желания говорить на иностранном языке.

Разберем несколько примеров игр. Так, «Игра с мячом» может быть использована при проверке, как грамматических навыков, так и лексических. Правила игры просты, например, изучая тему множественное число существительных, преподаватель называет существительное в единственном числе, бросая при этом мяч студенту, студент, в свою очередь, образует множественное число данного слова, возвращая мяч преподавателю и так далее. Данная игра может быть использована и во время изучения таких грамматических тем как «Род имен существительных», «Числительные» и т.д., а также при проверке лексики.

Следующий пример игры включает в себя использование карточек. Игра «Играй-ка в падежи» направлена на отработку падежных форм. Карточки-фразы, сложенные отдельной стопкой, читает преподаватель или студент-ведущий. Игрокам раздаются карточки-слова, ведущий читает карточку-фразу. В каждой фразе пропущено слово. Все игроки, у которых есть карточки со словами, подходящими по смыслу и форме, читают их. Преподаватель контролирует правильность выбора. Когда фраза «отыграна», карточку откладывают в сторону. Те слова, которыми мог быть заполнен пробел во фразе, игроки оставляют себе, откладывая в сторону: это их выигрыш. За каждое правильно выбранное слово присуждается очко. Количество карточек ребят всегда должно оставаться одинаковым, недостающие слова подбираются из стопки карточек-слов. Ведущий читает следующую фразу. Если ни у кого из игроков нет карточек, содержащих слова, которыми можно было бы заполнить

пропуск, фраза не откладывается в сторону, а кладётся снова в стопку карточек-фраз, вниз: подходящие слова войдут в игру позже.

Кроме лексических и грамматических игр существуют также фонетические игры, которые направлены на устранение фонологических ошибок, тренировку в произнесении русских звуков. Так, одной из наиболее распространенных игр является следующая: преподаватель читает стихотворение или небольшой текст, делая акцент на каком-либо звуке, и, услышав этот звук, студенты должны хлопнуть в ладоши или поднять руку и посчитать, сколько раз встретился данный звук в речи преподавателя. Так, тренируя звук [р], можно использовать следующее стихотворение:

Грозный и огромный тигр –
Мастер он звериных игр.
На траву вдруг резко прыг –
И издал свирепый рык.
Но я тигру пригрожу,
Громче тигра зарычу.
Prrrrrrrrr!

Звук [ш]:

Приглашу я лучше Глашу,
чтобы вместе скушать кашу.
Наша каша будет краше
со стаканом простокваши.

Звук [ж]:

С медом коржик я сжую,
И про пчелку расскажу.
Пчелка в улее живет
И нам жалуется свой мед.
Пчелку надо уважать
И никак не обижать.
Есть у пчелки тоже жало.
Обижать же пчелку жалко.
Потому я с ней дружу
И, как пчелка, все жужжу.

Также можно использовать игру: «Кто лучше знает звуки?». Преподаватель заранее транскрибирует звуки русского языка, делит группу на две команды. Вызывая поочередно представителей каждой из команд, называет звук. Побеждает та команда, которая быстрее найдет названные звуки.

Таким образом, можно прийти к выводу, что игра – один из самых эффективных методов обучения иностранному языку. Игры на уроках дают возможность для студента общаться с партнером на русском языке; найти способы, чтобы показать значимость русских фраз, построенных по простейшим моделям, сделать эмоционально привлекательным повторение одних и тех же речевых моделей и стандартных диалогов. Во время игры активизируются мыслительные процессы, повышается интерес к изучению языка. Однако следует помнить, что игры не должны доминировать в учебном процессе.

Литература:

1. Надудвари Л.А. Психологическая модель обучения устной русской речи венгерских детей дошкольного и младшего школьного возраста [Текст] / Л.А.Надудвари – Русский язык за рубежом. – 1996. - № 6. – С. 74-76.
2. Пиаже Ж. Вопросы психологии [Текст] / Ж. Пиаже - М.: Педагогика, 1988 - 400 с.
3. Стронин М.Ф. Обучающие игры на уроке английского языка [Текст] / М.Ф. Стронин - М.: Просвещение, 1984 - 370 с.

ЖАНР МУЗЫКАЛЬНОЙ РЕЦЕНЗИИ В СЕТЕВЫХ ИЗДАНИЯХ О ДЖАЗЕ

Ю.С. Черкашина,

магистрант кафедры коммуникативистики рекламы и связей с общественностью факультета журналистики НИУ «БелГУ»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор,

А.В. Полонский,

ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет»,
Белгород, Россия

В статье исследуются особенности и трансформации жанра музыкальной рецензии на примере сетевых изданий о джазе. Как показывает анализ, благодаря возможности аудиовизуального воспроизведения первичного текста сетевыми изданиями, наблюдается процесс креолизации музыкальной рецензии.

Ключевые слова: музыкальная журналистика, рецензия, креолизованные музыкальные рецензии, креолизованный текст, джаз.

The article examines the characteristics and transformation of the genre musical review by the example online Medias about jazz. The analysis shows that the possibilities of an audiovisual reproduction the primary text by online Medias, contribute to the process of creolization the musical reviews.

Keywords: music journalism, reviews, music reviews creolized, creolized text, jazz.

Важным фактором духовного развития человека является формирование багажа его знаний и эстетического вкуса, способности ориентироваться в современных культурных процессах и оценочно судить о них. По мнению А. А. Тертычного, потребность в оценке лучше всех удовлетворяют аналитические жанры [6:312] и прежде всего такой жанр, как рецензия.

Предметом непосредственного осмысления в данной статье является жанр музыкальной рецензии в сетевых изданиях о джазе.

Жанр музыкальной рецензия ориентирован на контекст музыкальной жизни современного человека. Целью рецензии становится либо констатация бытия музыкального текста (информационная рецензия), либо его авторская интерпретация и аргументированная оценка [2:336].

Музыкальная рецензия призвана оказывать влияние на формирование музыкальной культуры человека, на его эстетический вкус, под которым понимается «способность к оценке, понимание правильного и красивого» [1:29].